

КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ:

Есть люди, память о которых не могут затмить ни исторические катаклизмы, ни новые яркие имена. Их вклад в развитие национальных культур и общества столь велик, что они навечно обеспечили себе место в мировом пантеоне. Среди таких людей - лауреат Нобелевской премии писатель Михаил Александрович Шолохов.

Впервые я повстречался с Михаилом Александровичем 15 июля 1954 года в городе Таганроге. Там по решению Всемирного совета мира отмечалось 50-летие со дня смерти Антона Павловича Чехова. В драматическом театре, носящем его имя, в переполненном зале люди ожидали прибытия М. Шолохова, полагая, что он будет делать доклад о жизни и творчестве Антона Павловича. Возле театра я встретил взволнованного представителя городской администрации М. Верещагина, который предложил вместе с ним встретить Шолохова. Но когда автомашина с Шолоховым подъехала к театру, он из нее не вышел. Секретарь Михаила Александровича, которого мы с Верещагиным хорошо знали, заметив нас, распахнул дверцы машины и пригласил внутрь. Так состоялось наше знакомство с писателем.

В первые минуты я испытывал какое-то напряжение и заметно волновался. Как ни тяжело об этом писать, Михаил Александрович был нетрезв и, конечно, ни о каком его докладе не могло быть и речи. Доклад пришлось делать писателю Виталию Закрыткину. Мы же весь вечер просидели с Шолоховым в машине, разговаривая о том, о сем. Он сожалел о случившемся. Но, прощаясь, иронически хмыкнул и сказал: "Ну ничего. Все пройдет".

Шли годы. Служба бросала меня из края в край. Как-то летом 1956 года, находясь в Ростове-на-Дону, я остановился в гостинице "Московская". И там совершенно случайно встретился с Михаилом Александровичем. Мне казалось, что наша первая встреча не запечатлелась в его памяти, но я ошибся. Когда мы столкнулись в вестибюле и я поздоровался, он подошел ко мне, приветливо протянул руку и, улыбаясь, сказал: "Здравствуйте, узник пьяной машины". Приятно удивившись его памятью и видя, что он спешит и что его ждут актеры Глебов, Быстрицкая и другие (в то время шли съемки "Тихого Дона"), я сказал: "Михаил Александрович, собираюсь в Вешенскую. Разрешите к вам зайти?" "Заходи. Буду рад, - ответил он. - Только вот не знаю, когда вернусь домой. Смотрю, как идут съемки фильма. Снова переживаю исторический период жизни казачества. Доволен, что народ узнает правду о казаках". И заспешил в свой номер, взяв под руку Глебова.

Моей поездке в Вешенскую предшествовала еще одна неожиданная и особенно памятная встреча с Михаилом Александровичем. Глубокой осенью 1958 года я возвращался из Москвы в Ростов фирменным поездом "Тихий Дон". В купе кроме меня ехал генерал. Два места оставались свободными.

Где-то около двух часов ночи на станции Миллерово дверь с шумом распахнулась и в купе вошли двое. Я спал на верхней полке, а мой попутчик, не снимая брюк с лампасами, - на нижней. Один из вошедших принял его расталкивать: "Вставай, генерал, давай знакомиться! Шолохов".

Когда тот с недовольством поднялся, Шолохов принял торжественно: "А ты чего лежишь? Вставай!" Я спрыгнул с полки, он присмотрелся ко мне и воскликнул: "А, старый знакомый!" Узнал я и спутника Шолохова: это был его секретарь. Он держал солидную корзинку с

чем я ожидал. Знакомый секретарь Шолохова доложил ему обо мне, и писатель принял меня охотно, по-домашнему. Был он в хорошем расположении духа. Видимо, заметив, что я удивлен скромностью, почти бедностью его одежды, сказал: "Лишь бы чистенькое".

В квартире также все было очень скромно. В кабинете стояли стол, два кресла, на стене висели голова оленя с развесистыми рогами - подарок земляков-охотников и картина, на которой была запечатлена излучина Дона. Хорошо помню нашу беседу - о романе "Тихий Дон" и о войне. Шолохов любил военную тему и к военным относился с большим уважением.

О создателе "Тихого Дона" уже тогда ходило много кривотолков, его обвиняли в плагиате. Но в Ве-

14 февраля 1984 года творца "Тихого Дона" не стало. Меня снова потянуло в Вешенскую, чтобы еще раз увидеть то, что его окружало, собрать воспоминания о нем, чтобы когда-нибудь поделиться ими с почитателями творчества писателя.

И вот я в Вешенской. Первый, с кем я встретился после того, как побывал у утопающей в цветах могилы, был новый секретарь Шолохова Михаил Васильевич Коньшин. Почти семь лет работал он с писателем под одной крышей. Коньшин рассказал, что незадолго до смерти Шолохов, прогуливаясь по усадьбе, расположенной над обрывистым берегом Дона, вдруг словно ненароком обронил: "Хорошее местечко для нас с Петровной в этом уголке, где березки". Слова писателя были восприняты как завещание,

этого дерева. Взору открывался удивительной красоты пейзаж... Именно здесь, у подножия дуба, рождались замыслы многих рассказов писателя...

Станичники не говорили о нем ничего худого. Как депутат Верховного Совета СССР Шолохов очень много сделал для своих избирателей и родной станицы. Автор этих строк листал обширную переписку Михаила Александровича с различными ведомствами и должностными лицами. В ней - хлопоты по жалобам избирателей, требования социальной справедливости.

Многое приходилось Шолохову "выбивать". Занимался он приобретением породистого скота для хозяйств, помогал в сельском строительстве, хлопотал о поставке битума. Очень трудной оказалась задача "выбить" деньги для рыбхоза. Москва на просьбы не откликалась. Тогда Михаил Александрович сам поехал в министерство рыбного хозяйства. Под различными предлогами в выделении средств отказывали. И когда один из чиновников иронически спросил: "Как там поживают казачки?", Шолохов резко ответил: "Казачки точат шашки рубать бюрократов". Он пошел к министру и все же добился выделения для рыбхоза 200 тысяч рублей. Этот эпизод мне рассказал председатель рыбхоза Николай Федорович Каргин...

Михаил Александрович, даже будучи больным, живо интересовался жизнью станицы и района. А болел он последние два года тяжело. После случившегося в 1975 году инсульта Шолохов чувствовал себя неважно и почти ничего не писал. Но до последних дней жизни много читал. По-прежнему очень волновала его тема войны. Если во время телепередач видел идущих в атаку солдат, их смерть в бою, то волновался и даже плакал.

Михаил Александрович увлекался военными мемуарами. Любимой его книгой были "Воспоминания и размышления" Г. К. Жукова. Выезжая в командировку, Шолохов обычно брал ее с собой. Он и умер с этой книгой, держа ее в руке...

Прожил писатель большую и интересную жизнь, умел ладить с людьми, был открыт для них. Имел добрых друзей и очень был к ним привязан. Когда его друга, бывшего первого секретаря Вешенского райкома партии Николая Александровича Булавина незадолго до смерти Шолохова хотели перевести с повышением, он попросил руководство обкома оставить его на месте, заявив: "Буду помирать при Кольке...". После смерти писателя Н. А. Булавин стал директором Шолоховского заповедника...

...С грустью бродил я перед отъездом по улицам станицы. Был воскресный день и какой-то религиозный праздник. В красивой православной церкви шла служба. После молитвы многие казаки пошли к могиле писателя. Пошел за ними и я. Могила эта для них - святое место, несут сюда цветы, просвирки, другие дары...

Теперь Шолохов навечно застыл, отлитый в бронзе. Стоит на донском берегу, орлиным взором окидывая излучины тихого Дона. Вся его жизнь была посвящена народу и своей любимой Родине. Ему принадлежат слова: "Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь - тебе, все наши помыслы - с тобой".

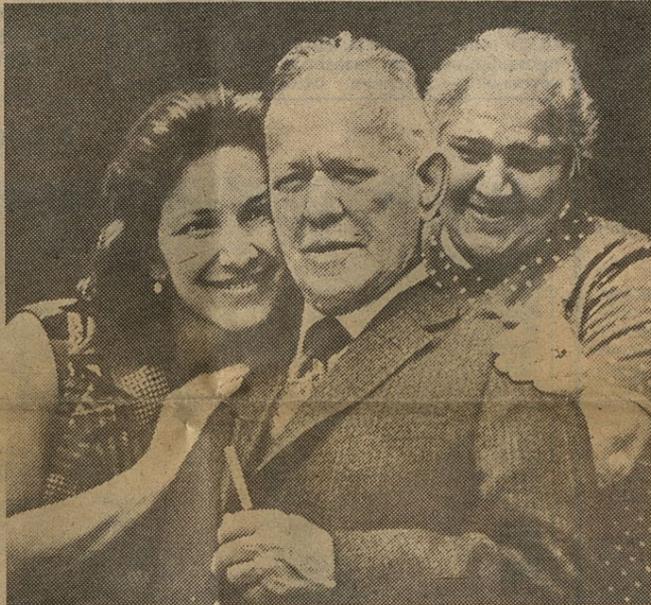
На снимке: Михаил Александрович Шолохов с женой и дочерью.

И. РЯБОШТАНОВ.
Фоторепродукция Р. ГУЙГИ.

Из записных книжек наших читателей

...Он жил среди героев своих произведений

Мне довелось неоднократно встречаться с Михаилом Александровичем, дважды я бывал в станице Вешенской, где писатель провел почти всю свою жизнь, беседовал там с его близкими, станичниками, прожившими рядом с писателем долгие годы. И поэтому в памяти моей запечатлелся не тот великий творец "Тихого Дона", все человеческое в котором скрыто налетом хрестоматийности, а живой человек, казак-хлебосол с широкой и открытой русской душой, страстно любивший жизнь и свой донской край. Вот о нем и пойдет мой рассказ.

припасами, содержимое которой мы позже оценили по достоинству, так и не сомкнув уже глаз до Ростова. Михаил Александрович был возбужден. Помню, разговор шел в основном о казачестве и его заслугах перед отечеством и перед народом, особенно в годы Великой Отечественной войны: 4-я и 5-я казачьи дивизии отличились в боях с фашистами.

Затем беседа зашла об охоте. Оказалось, что М. Шолохов страстный охотник. Кстати, охотой Михаил Александрович увлекался до последних дней жизни. Забегая вперед, замечу, что, когда я был в Вешенской в 1984 году (писателя уже не было в живых), мне рассказали, как после перенесенного инсульта он выезжал на охоту. Шолохову трудно было держать ружье, ему помогали, а Михаил Александрович стрелял в дичь. Когда попадал в цель, радовался безмерно...

Шолохов рассказывал об охоте столь увлеченно, что мы и не заметили, как поезд подошел к вокзалу. Перед расставанием Михаил Александрович пригласил нас приехать к нему на охоту. Воспользоваться приглашением Шолохова я смог только летом 1959 года.

С огромным волнением подошел я впервые к дому Михаила Александровича. Как-то он примет, не забыл ли о приглашении, не станет ли сетовать, что у него нет свободного времени? Вопросы эти не давали мне покоя. Но все оказалось проще,

и он покоится там, где пожелал. Жена Шолохова Мария Петровна (ее девичья фамилия Громославская) была казачкой станицы Буковской. До революции окончила гимназию. Рука об руку прошла она с мужем долгий и нелегкий жизненный путь, вырастила сыновей Михаила и Александра, дочерей Марию и Светлану.

Как рассказали мне близкие знавшие Шолохова, денег он никогда не копил. Первую свою премию за литературный труд отдал на постройку школы в родном хуторе Каргинском. Вторую внес в Фонд мира. Во время войны не знал никаких аттестатов. И почему-то всю жизнь платил налог за бездетность, хотя имел четверых детей. Не пользовался никакими льготами.

Шолохов очень любил животных. Дома у него всегда была какая-нибудь живность. Последнее время прижилась собачка Дамка, которую дочка Михаила Александровича подобрала в Москве. Собака настолько привязалась к Шолохову, что стала его ярой защитницей. Стоило кому-нибудь сделать резкое движение в сторону писателя, как она тут же набрасывалась на "обидчика". Если Михаилу Александровичу нужна была жена, он говорил Дамке: "Зови Петровну". Дамка тут же начинала лаять...

Вообще Михаил Александрович не мыслил себя без общения с природой. Недалеко от Вешенской растет могучий дуб. Ему около 380 лет. Любил Шолохов сживать с друзьями у

4.10.92

Шолохов 44